

СТРАТЕГИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ТЕРМИНОВ

Экспериментальное изучение процессов восприятия устной научной речи предполагает реализацию трех комплексов исследовательских процедур. Первый комплекс охватывает изучение процессов восприятия и опознавания слов, терминов и терминологических словосочетаний, второй ориентирован на изучение процессов понимания фраз, предложений и высказываний, третий сосредоточен на исследовании процессов понимания целого речевого сообщения.

Традиционно в психолингвистике принято считать, что основной единицей восприятия является слово или лексема (словарная форма слова). Мы полагаем, что данное утверждение нуждается в уточнении, поскольку, на наш взгляд, наряду с лексемами в качестве основных единиц восприятия могут выступать и словоформы, причем объективно последние имеют больше шансов считаться базовыми единицами восприятия в силу их большей частотности в речи.

Экспериментально доказано, что важным ключом для идентификации слов при их восприятии (изолированно или в речевом сообщении) выступает частотность их употребления. Однако частотность слова как лексем в известном смысле фикция, поскольку реальной частотностью в речи характеризуются именно отдельные словоформы слова, причем разные словоформы одного и того же слова могут существенно отличаться по частотности. Разумеется, частотность словоформы, которая отлична от частотности лексем, это особенность русского и аналогичных ему языков с развитой морфологией. Данная проблема может быть периферийной или даже несущественной для аналитических и тем более изолирующих языков. Вероятно, именно поэтому аналогичные вопросы не рассматриваются в многочисленных работах на материале английского языка.

Если словоформы являются базовыми единицами восприятия речи, то термины (терминированные слова, слова с терминологическим значением и т.п.) выступают в роли основных единиц смыслового ориентирования в научной речи. Они выступают смысловыми «сгустками», информационно-понятийными центрами, носителями самой важной информации в научной речи.

Так как термины являются семантически наиболее «нагруженными» единицами в научной речи, то очевидно, что в основе ее восприятия лежат, по меньшей мере, две операции: а) поиск и вычленение из звучащего текста терминоединиц как базовых «смысловых» опорных речевых «фокусов», в сжатом виде представляющих микрополе определенной научной отрасли или ее некоторый содержательный фрагмент, заданный четко очерченной предметно-понятийной тематикой, а также б) их опознание и увязывание с другими семантически «нагруженными»

речевыми отрезками текста путем соотнесения планов содержания терминов на уровне «внутренних» связей и отношений. Естественно, что подобная схематизация процесса восприятия научной речи является достаточно упрощенной, но в целом она отражает как общий подход слушателя к этому процессу, так и его суть.

Особенности функционирования терминов в научной речи больше всего проявляются в семиотической структуре простых терминов, представляющих собой совокупность трех разновидностей терминоединиц: элементарных, составных и усложненных. Эти термины используются для выражения специальных понятий, свойственных предметной области, на которую ориентировано научное сообщение. Идентификация таких терминов является обязательным условием не только для их понимания, но и понимания речевого сообщения в целом. Она предполагает использование одной из двух стратегий опознания. В тех случаях, когда слушатели пытаются опознать термины, имеющие четко очерченный денотат, однозначно соотнесенный с легко выделяемым и опознаваемым референтом, представляющим ту или иную предметную область, они используют стратегию денотативного отождествления, сущность которой состоит в задании однозначного соответствия между термином-именем и понятием-значением. В тех же случаях, когда термины многозначны, т. е. имеют несколько денотатов, или его единственный денотат имеет неясные смысловые очертания, слушатели, вероятно, используют стратегию десигнативного анализа, т. е. они предпринимают попытку выделить основной признак или признаки десигната и построить модель его концепта в виде комбинации семантических признаков.

В процессе восприятия устной научной речи слушателям приходится опознавать разные типы терминоединиц. Они могут быть знакомыми, внешне знакомыми, нечеткими и незнакомыми, однозначными и неоднозначными, производящими и производными, простыми, сложными и составными. В роли терминов также могут выступать словосочетания, многокомпонентные термины и разного рода номенклатурные единицы. При контакте с разными типами терминов слушатели избирают различные идентификационные стратегии, которые в конечном итоге определяют положительную или отрицательную результативность их опознавания.

В ходе экспериментального исследования процессов восприятия устной научной речи нами были выявлены четыре типа индивидуальных стратегий, которыми пользуются слушатели русофоны и инофоны в процессе идентификации малознакомых, незнакомых или нечетких терминов. К ним относятся:

- стратегии глобальной переработки информации, учитывающие всю имеющуюся в речевой цепи информацию о термине;
- стратегии формально-номинативной идентификации, основанные на анализе словесной оболочки термина;
- стратегии поиска смысловой доминанты, базирующиеся на установлении основного признака понятия, стоящего за термином;

• стратегии контекстуального анализа, формирующиеся в процессе аналитической работы с окружающим термин контекстом.

Анализ стратегий, используемых слушателями при попытке опознать малознакомый, незнакомый или семантически нечеткий термин, позволяет не только проникнуть в специфику ментального поиска, реализуемого слушателями для выхода из сложной ситуации, но и определить перечень конкретных ментально-когнитивных процедур, которые в итоге позволяют им адекватно идентифицировать опознаваемый термин. Очевидно, что выбор таких процедур и сама речемыслительная деятельность иницируются и направляются самим субъектом рецепции, но в каждом конкретном случае его индивидуальные стратегии и ментальные тактики формируются не произвольно, а под воздействием различных объективных факторов и характеристик, содержащихся в самих терминах и их окружении.

Если говорить о критериях «субъективности» или «индивидуальности» в подходах к выбору слушателями идентификационных стратегий при опознании терминов, то их специфика определяется тем, способен ли слушатель в конкретных ситуациях восприятия воспользоваться всей информацией, содержащейся в речевой цепи, или многое из имеющихся сведений, таких, например, как контекст, способ присвоения имени термину, прозрачность его внутренней структуры и т.д. не готово своевременно актуализироваться, а поэтому может остаться вне сферы индивидуального сознания слушателя. Иначе говоря, вопрос о «субъективности» и «индивидуальной вариативности» в выборе стратегий опознавания терминов разными слушателями, по сути дела, лежит в плоскости установления различий между стратегиями, когда слушатели готовы воспользоваться всей имеющейся информацией, сопровождающей и обслуживающей рецептируемый термин, и стратегиями, когда слушатели пользуются лишь частью этих сведений.

Если обратиться к анализу стратегий, которыми пользуются слушатели при опознании внешне знакомых терминов, то может сложиться впечатление, что для того, чтобы воспринять такие термины и понять их значение, достаточно иметь одну единственную стратегию, базирующуюся на хорошо развитом фонематическом слухе и прочном знании словарного значения исходных терминов. Непонимание значения терминов с этой точки зрения может иметь место либо при нарушении фонематического слуха, связанного с незнанием фонетической системы данного языка, либо при отсутствии знания словарного значения воспринимаемых терминов. Однако такого представления для описания процессов опознавания терминов даже в случае, если они кажутся слушателю хорошо знакомыми, оказывается явно недостаточным.

Применяя ту или иную стратегию опознавания терминов, слушатели вынуждены обращаться к некоторым смыслоязыковым опорам или контекстуальным ключам, имеющимся в речи. Характер этих стратегий и их направленность определяются тем, какие опоры и ориентиры задей-

ствуются в этом процессе. Оценивая процедуры опознавания терминов на конкретных примерах, используемых в экспериментах, можно предположить, что к базовым опорам опознавания терминов относятся **контекстуальные, внутриязыковые и межъязыковые опоры**. Соответственно различными будут и стратегии, которыми пользуются слушатели при опознавании терминов. Так, в зависимости от типа используемых слушателем опор можно выделить три разновидности стратегий:

- **стратегии поиска и анализа контекстуальных опор**, учитывающие контексты, содержащиеся в близлежащем окружении терминов, в группе тематически и линейно сопряженных предложений, а также за пределами рецептируемого предложения;

- **стратегии поиска и анализа внутриязыковых опор**, учитывающие информацию, связанную с фонологией, морфологией (префиксами, суффиксами, корнями терминов, их частеречной принадлежностью, сочетаемостью, семантикой) и синтаксисом предложений, в которых они используются;

- **стратегии поиска и анализа межъязыковых опор**, функционирующие по линии родного языка и связанные с фонологией, морфологией, устойчивой сочетаемостью, семантикой, либо по линии другого языка и связанные с общим впечатлением или гипотезой о происхождении и значении идентифицируемых терминов.

Очевидно, что к стратегиям первого типа слушатели прибегают при опознавании внешне знакомых, малознакомых, нечетких или незнакомых терминов. Поиск и анализ контекстуальных опор в речевой цепи, окружающей термин, осуществляется с целью максимально полной идентификации понятийной отнесенности термина и определения его смысловой специфики. Процедура опознавания термина завершается в тот момент, когда слушатель окончательно убедится в правильности выдвинутой гипотезы относительно значения термина. Если термин представлен в контексте в конечной позиции и этот контекст для слушателя является прозрачным и информативно-насыщенным, то восприятие и идентификация термина осуществляется одновременно. Если термин занимает в контексте начальную позицию, то его опознание является отсроченным и наступает в тот момент, когда завершается обработка представленного в речевой цепи контекста.

Процедура опознавания внешне знакомых, малознакомых, нечетких и незнакомых терминов может завершиться удачно при: а) наличии у рецептируемого термина сильного контекстуального окружения; б) наличии в содержательной структуре термина транспарентной однозначной смысловой доминанты, основанной на высокочастотности использования этого термина в определенных значениях и контекстах; в) наличии в словесной оболочке термина указаний на основные качества выражаемого им понятия; г) наличии у термина только одного значения; д) совпадении зон пересечения когнитивных пространств говорящего, продуцирующего данный термин и слушателя, его воспринимающего и идентифицирующего.

На основе анализа и оценки данных экспериментального исследования нами разработана классификация уровней понимания терминов разными категориями слушателей, различающихся между собой как степенью владения языком, так и степенью владения профессиональной компетенцией. Эта классификация включает пять уровней положительной идентификации, дифференцируемых на основании критериев точности, полноты и глубины проникновения слушателей в содержание понятия, стоящего за термином (I уровень — полнообъемное понимание; II уровень — монообъемное (или узконаправленное) понимание; III уровень — фрагментарное (или частичное) понимание; IV уровень — обобщенно-родовое (или поверхностное) понимание; V уровень — нечеткое (или «размытое») понимание).

Б.Г. Бобылев

Орел (Россия)

ДУХОВНЫЕ ИСТОКИ РУССКО-БЕЛОРУССКОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Внутренняя форма слова «культура» отсылает нас к понятию «возделывание». Сопоставление образования человека с возделыванием почвы широко используется в качестве семантической модели, помогающей осуществить качественный анализ процессов, происходящих в истории культуры. При этом важнейшее значение приобретает определение вектора «возделывания»: на что именно оно направлено? какова его цель? Изменение внешней среды обитания, приведение ее в состояние, обеспечивающее людям максимум удовольствия и комфорта от земной жизни, или преобразование внутреннего мира с целью достижения идеала совершенства, спасения бессмертной сущности человека? Ответ на эти вопросы имеет непосредственное отношение к заявленной теме, так как русско-белорусское межкультурное общение имеет сотериологические истоки, восходит к единым православным духовным корням.

Николай Сергеевич Трубецкой — выдающийся русский мыслитель начала XX века — писал: «Все унаследованные Россией традиции только тогда становились русскими, когда сопрягались с Православием». Это касается всех сфер жизни без исключения: политики, культуры, языка. Церковно-славянский язык в течение восьми столетий был общим литературным языком всех восточных славян. Понятие братства славян имеет церковные, православные истоки, ибо братья и сестры есть только там, где есть единый отец — Отец Небесный, Бог.

В святоотеческих книгах говорится: «Ин есть путь, мняийся быти благом в начале, но концы его во дно адово». Эти слова очень точно характеризуют ситуацию, в которой оказывается культура, стремящаяся освободиться от «ига» христианства. Рекомендации быть хорошим и делать добро не спасут человека от бездны, которая таится внутри него.